

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТЕМЧИН

Институт литовского языка (Вильнюс, Литва)

Речь Посполитая (Польша, Русь и Литва) как Святая Троица: средневековая предыстория поэтического образа Платона Костецкого (1861)*

Статья посвящена средневековой параллели к поэтическому образу Речи Посполитой как Святой Троицы из стихотворения *Nasza molytwa* (1861), написанного по-украински латиницей галицким журналистом и писателем Платоном Костецким, приверженцем ягеллонской идеи. Эта параллель содержится в болгарском апокрифе “Разумник Указ”, существующем в двух редакциях и представленном кириллическими списками конца XIV–середины XVIII в. Ниже приводятся соответствующие фрагменты обеих редакций и демонстрируются схождения (и различия) второй редакции с указанным стихотворением Костецкого. Не исключено, что поэт, родившийся в семье грекокатолического священника, был знаком со второй редакцией указанного апокрифа, из которого мог почерпнуть основную идею стихотворения *Nasza molytwa*. Указанная средневековая параллель позволяет лучше понять смысл поэтического образа, созданного в 1861 г.

Ключевые слова: Платон Костецкий, украинская поэзия, ягеллонская идея, Речь Посполитая, кириллическая письменность, древнеболгарская литература, апокрифы, Святая Троица.

Польско-украинский журналист и писатель Платон Костецкий (1832–1908)¹ — сын грекокатолического священника, родившийся и выросший на землях бывшей Речи Посполитой, перешедших под власть австрийской короны, — написал в 1861 г. стихотворение *Nasza molytwa* (опубликовано в 1862 г. по-украински латиницей), ставшее гимном галицийских приверженцев ягеллонской идеи², определявших себя известной формулой *gente Ruthenus, natione Polonus*, восходящей к формулировке Станислава Ореховского (1513–1566) *gente Roxolanus, natione vero Polonus*.

* Искренне благодарю М.А. Джонсон, сотрудницу Хиландарского исследовательского центра (The Hilandar Research Library) Университета штата Огайо в г. Колумбус (США), за помощь в работе с научной литературой, недоступной в Литве.

Представленный в этом программном стихотворении идеализированный образ Речи Посполитой³ полностью основан на ее трехчастном делении (Польша, Русь и Литва) в прямом соотношении с лицами Св. Троицы (соответствующие контексты выделены):

NASZA MOŁYTWA (1861)

Wo imia Otca i Syna

To nasza mołytwa:

Jako Trojca, tak jedyna

Polszcza, Ruś i Łytwa.

Switiat' krowiu pobratani

Try rody welyki

Jak trojświcznik na Jordani

U rukach władyki.

Jedna w Boha Korolewa

Mołyt' za namy

Z Częstochowy, Poczajewa

I z nad Ostrej Bramy.

Jednow my żyjem nadijew,

Wspilnaja nam sława,

Wsim zariwno myłyj Kijew,

Wilno i Warszawa.

Hej, krakowski dzwoniak' dzwony,

Switom hołos czuty,

Z hrobow klyczut' Jahajlony,

Piasty, Korybuty:

Wo imia Otca i Syna

To nasza mołytwa:

Jako Trojca, tak jedyna

Polszcza, Ruś i Łytwa.

Упоминание Иордана во второй строфе отсылает к евангельской сцене Богоявления, когда, после крещения Иисуса Иоанном Крестителем в иорданских водах, была впервые — не прообразовательно, но откровенно — явлена Св. Троица: был глас с небес (Бога-Отца), объявивший Иисуса Сыном Божиим, после чего на Него сошел Св. Дух в виде голубя (Мф 3.13–17; Мк 1.9–11; Лк 3.21–22; Ин 1.29–34). Упоминаемый

Костецким трехсвечник — это подсвечник с тремя свечами (трикирий), используемый при архиерейском богослужении (ср.: *U rukach władyki*) и литургически соответствующий трем лицам Св. Троицы в едином существе.

При этом Русью Костецкий называет лишь украинские земли (очевидно, включая нынешние белорусские земли в понятие Литвы)⁴, о чем свидетельствуют строки его инога (уже польскоязычного) произведения: *A Ty, Ruś moja... ach, ta Ruś jedyna, / Halicz, Podole, Wołyń, Ukraina* (стихотворение *Trzy nadzieje*, “Gazeta Narodowa”, nr 15 z 19 I 1888).

Тройственность Речи Посполитой подчеркнута поэтом неоднократно — перечислением входящих в ее состав народов (*Polszcza, Ruś i Łytwa* в 1-й и 6-й строфах), их главных религиозных центров (*Z Częstochowy, Poczajewa / I z nad Ostrej Bramy* в 3-й строфе), столиц (*Kijew, / Wilno i Warszawa* в 4-й строфе) и наиболее почитаемых правящих родов (*Jahajłony, / Piasty, Korybuty* в 5-й строфе)⁵.

Как видим, порядок перечисления соответствующих реалий может быть различным: а) Польша, Русь, Литва (строфы 1-я, 3-я и 6-я); б) Русь, Литва, Польша (4-я строфа); в) Литва, Польша, Русь (5-я строфа). Тем не менее именно первый порядок перечисления является основным: в отличие от иных двух, он представлен трижды (в том числе в начальной и конечной строфах, образующих композиционную рамку), и он же виден в последовательности изложения самих триад, когда в начало перечисления ставится Польша (строфы 1-я и 3-я), затем Русь (4-я строфа) и только после этого Литва (5-я строфа), после чего следует заключительная рамка (6-я строфа).

Сказанное позволяет утверждать, что Костецкий предполагает вполне конкретное соответствие упоминаемых им народов Речи Посполитой лицам Св. Троицы (порядок перечисления которой закреплен не только литургической формулой *Во имя Отца и Сына и Святого Духа*, но и соответственной нумерацией лиц): Польша — Бог-Отец (1-е лицо), Русь — Бог-Сын (2-е лицо, т. е. Иисус Христос), Литва — Святой Дух (3-е лицо Св. Троицы).

Этот вывод подкрепляется типологически: в ином (польскоязычном) произведении поэта в том же порядке поименованы гербы трех народов Речи Посполитой: *Do broni bracia, do broni / Orła, Aniola, Pogoni!* (стихотворение *Pobudka*).

Ниже я постараюсь показать, что соответствие стран и народов лицам Св. Троицы имеет солидную средневековую предысторию и известно также в церковнославянской письменной традиции. Речь идет о болгарском апокрифе “Разумник Указ”, который представлен по

крайней мере в 27 болгарских, сербских, румынско-молдавских, русских и украинских списках конца XIV–середины XVIII вв. Это произведение существует в двух редакциях, первая датируется XI–XII вв. (но после 1054 г.), а вторая — 1204–1220-ми годами⁶. Иная и, возможно, более реалистическая датировка апокрифа — XIII в. [Miltenova 2013, 323–325] либо время правления болгарского царя Ивана Александра (1331–1371) [Pore 1974, 147].

В этих двух редакциях с лицами Св. Троицы сопоставляется разный набор государств и, в силу синкретизма средневекового мышления, также соответствующих народов.

Болгарский апокриф “Разумник Указ”: соответствие стран и народов лицам Св. Троицы

1-я редакция	2-я редакция
Се вѣште братѣ на свѣтъ свѣтъ .г. црѣе. ѡкоже ѣ на нѣѣ стаа тронца .а. цртво грѣско .б. цртво бѣгарско .г. цртво нѣрско. въ грѣско ѡць. въ нѣрско снѣ. въ бѣгарско цртво стын дхъ. грѣци цртво бѣ прѣдадѣть. а бѣгаре хрѣтѣанство прѣдадѣть нѣре хрѣтѣанство и тѣе прѣдадѣть [Таркова-Zaimova, Miltenova 2011, 510, 524]	Се вѣдите на свѣѣ. сѣ .г. црне. ѡкоже ѣ стаа. трѣца на нѣсѣхъ <...> прѣвое цртво. грѣско .б. цртво бѣгарско .г. црѣо аламаньско. съ грѣскымѣ. црत्वомѣ ѡць. съ аламаньскѣ црत्वомѣ ѣ снѣ. съ бѣгарьскымѣ црत्वомѣ ѣ дхъ сты. грѣци цртво гѣоу. прѣдадѣ. аламаньско цртво. поперѣ всѣ жзнки полоуѣрѣци [Таркова-Zaimova, Miltenova 2011, 510, 533]

В первой редакции упомянуты три православных царства (и, следовательно, народа): греческое соответствует Богу-Отцу, иверское (грузинское) — Сыну Божьему, болгарское — Святому Духу, причем в первом автор особенно ценит государственность (грѣци цртво бѣ прѣдадѣть)⁷, а во втором и третьем — христианскую веру (а бѣгаре хрѣтѣанство прѣдадѣть нѣре хрѣтѣанство и тѣе прѣдадѣть). Иными словами, из двух явлений — государственная традиция и православная вера — греки особенно преуспели в первом (что не отменяет наличия второго), а грузины и болгары — во втором (что не отменяет наличия первого)⁸. В ином месте того же апокрифа перечислены три правоверные книги: греческая, иверская и болгарская [Таркова-Zaimova, Miltenova, 2011, 530, 534, 539].

Во второй редакции 1-му лицу Св. Троицы соответствует греческое царство, 2-му — алеманское (германское), 3-му — болгарское, причем в первом по-прежнему особенно ценится государственность, а во втором — предсказываемая способность подчинить себе все католические

народы, которые названы здесь *полуверцами*. При этом набор трех правоверных книг во второй редакции остается прежним.

Как видим, в обеих редакциях апокрифа последовательность перечисления самих народов (в начале цитируемых фрагментов) не совпадает с порядком перечисления и нумерацией лиц Св. Троицы.

Нетрудно заметить, что в первой редакции выбор народов, соответствующих лицам Св. Троицы, сделан на *конфессиональной основе* (православие), а во второй редакции виден *государственно-политический подход*, позволивший объединить в единой триаде православные и католические народы. При этом анонимные болгарские книжники (автор и последующие редакторы) неизменно ставят собственную страну в соответствие Святому Духу (3-му лицу Св. Троицы), признавая тем самым примат Византии, столь же неизменно ассоциируемой с Богом-Отцом, и даже Иверии. В этом виден хронологический подход, предполагающий последовательное возникновение трех государств, и последняя позиция Болгарии в триаде может означать не только наиболее позднее ее возникновение, но, не исключено, также надежду на ее более длительное существование в будущем — если видеть в этом тексте изложение идеи исторической преемственности трех царств, как это иногда делается.

В таком типологическом контексте лучше видна авторская позиция Платона Костецкого, который видит Речь Посполитую как трехчастную структуру, объединенную единой государственностью (а не конфессиональной принадлежностью), причем собственную (украинскую) традицию он, в отличие от болгарских книжников, ставит в соответствие Богу-Сыну. Первая из этих двух особенностей объединяет галицийского поэта с создателями 2-й редакции болгарского апокрифа “Разумник Указ”, и это совпадение не обязательно носит типологический характер: содержание данного апокрифа в принципе могло быть известно (в украинском списке либо в пересказе) Платону Костецкому, бывшему сыном грекокатолического священника.

Созданный им поэтический образ несет в себе значительный идейный заряд.

Во-первых, представление Речи Посполитой не как двухчастного (Польское королевство и Великое княжество Литовское), а как трехчастного образования отражает не исторические реалии прошлого, а обращенную в будущее политическую программу самого поэта: учтя весьма проблематичный исторический опыт существования украинских земель в составе Польского королевства, он изображает Русь (Украину) равноправной единицей наряду с Польшей и Литвой. Если апокрифическое видение болгарских книжников, как мы убедились,

было историчным, то поэтическая позиция Костецкого, наоборот, оказывается футурологичной.

Во-вторых, Речь Посполитая, во то время уже давно не существующая, благодаря прямому соотнесению со Св. Троицей приобретает ореол святости (что вообще типично для патриотической позиции) и вместе с тем надвременный (идеальный) характер, становится вечным символом, который невозможно утратить. Но при этом (в отличие, например, от косовского мифа)⁹ этот образ лишен трагизма и в своей основе оптимистичен, сопряжен с надеждой на существование этого упраздненного государственного образования и в будущем (ее разделяли далеко не все современники автора).

В-третьих, сопоставление Польши, Руси и Литвы с лицами Св. Троицы было способно удовлетворить эмоциональную потребность сторонников всех трех государственных образований, причем предполагало возможность восстановления Речи Посполитой в виде не унитарного, а федеративного государства, в котором три составные части существовали бы *нераздельно*, но и *неслиянно*.

В-четвертых, поэт ставит собственную (украинскую) традицию в соответствие не Святому Духу (как это сделали болгарские книжники), а Иисусу Христу (2-му лицу Св. Троицы), в чем можно видеть определенную авторскую идею.

Действительно, выстроенный Костецким образ предполагает приоритет Польши, ассоциируемой с 1-м лицом Св. Троицы, и ее “отеческую” позицию по отношению к Руси (Украине) и Литве (в широком смысле). Последней отводится роль “исхождения” от Польши и (с учетом грекокатолического происхождения автора) также от Руси, в чем трудно усмотреть какую бы то ни было историческую подоплеку (о неисторичности этого образа Костецкого см. выше). При этом соотнесение Руси с Иисусом Христом имплицитно ее 2-е место (т. е. центральное и ключевое положение) в триаде народов, “рождение” Руси от Польши, принятие ею страданий и смерти *по воле Отца* (Мф 26.36: *не как Я хочу, но как Ты*; здесь можно видеть аллюзию на сложную историю польско-украинских отношений) и неизбежность ее скорого (“трехдневного”) *воскресения*.

Это позволяет определить созданный Платоном Костецким идеализированный образ Речи Посполитой как полонофильский, но украиноцентричный в своей основе. Вряд ли случайно, что в композиционной рамке стихотворения, в отличие от литургической формулы *Во имя Отца и Сына и Святого Духа*, упоминаются лишь первые два лица Св. Троицы (*Wo imia Otca i Syna / To nasza mołyтва*), ведь самому автору

были особенно близки лишь две традиции из трех: “отцовская” Польша и “сыновняя” Русь (Украина). Не удивительно, что в душе поэта в конце концов победила первая из них.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о Платоне Костецком см. [Świątek 2008a; 2008b; 2009; Komorowski 2011; Świątek 2014, 113–117].

² О галицийских приверженцах ягеллонской идеи см. [Мудрый 2006–2007; Mudryj 2009; Świątek 2014; 2017].

³ Об образе Речи Посполитой в поэзии Костецкого см. [Świątek 2007].

⁴ Это старая галицийская традиция, отраженная уже в Лексиконе Памвы Берынды (Киев, 1627, стлб. 199), где слово *петухъ* определяется как *литовское* (т. е. белорусское).

⁵ Корибутами названы здесь восточнославянские князья, считавшие себя потомками Корибута — сына литовского князя Ольгерда и тверской княжны Ульяны Александровны.

⁶ См. характеристику этого произведения, публикацию обеих версий и литературу вопроса, в том числе издания отдельных списков [Tarkova-Zaimova, Miltenova, 2011, 507–548]. Ср. также первоначальную болгарскую версию исследования [Милтенова 1986].

⁷ Это выражение интерпретировалось (в контексте 2-й редакции памятника) также в ином смысле — что греки утратят свое царство (“Једно од њих ће пропасти, а друго ће се повећати”, см. [Радојичић 1967, 33]), однако такое толкование неприемлемо ввиду наличия той же глагольной формы в следующем предложении, где подобное значение исключено. Кроме того, это выражение присутствует также в иных болгарских и переводных апокрифах (Сказание о Сивилле, Солунская легенда, один из вариантов Откровения Мефодия Патарского), с которыми “Раузмник Указ” обнаруживает текстуальные связи [Miltenova 2013, 322–325; Pope 1974, 144, note 11]. Однако в конечном счете выражение имеет новозаветное происхождение, ср.: 1 Кор 15.24: *А затем конец, когда Он [т. е. Христос – С.Т.] предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу.* Толкуя этот стих, Феофилакт Болгарский объясняет семантику употребленного здесь глагола: “<...> предаст Он Отцу, то есть устроит, закончит” [Феофилакт Болгарский 2006, 421].

⁸ Здесь можно усмотреть зародыш тех идей, которые заложены в современных терминах *цезаропатизм* и *папоцезаризм*: при такой интерпретации первый тип отношений между мирской и церковной властью связывается в контексте данного апокрифа с Византией (что соответствует исторической действительности), а второй — с Иверией и Болгарией.

⁹ Косовский миф — один из ключевых мифов, лежащих в основе сербского национального самосознания: поражение сербского войска в битве на Косовом поле (1389 г.) осмыслено как сознательное жертвование земным (временным) царством ради приобретения вечного царствия небесного.

ЛИТЕРАТУРА

- Милтенова А., 1986: “Разумник-указ” (Текстологическо проучване. Издание на старобългарския текст), *Palaeobulgarica*, vol. 10, No. 4, 20–44.
- Мудрий М.М., 2006–2007: “Русини польської нації” (*gente Rutheni, natione Poloni*) в Галичині ХІХ ст. і поняття “вітчизни”, in Крикун М. (ред.), *Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича*. Львів, 2006–2007 (= *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність*. Збірник наукових праць, вип. 15), 461–474.
- Радојичић Ђ.С., 1967: Јужнословенски стари текст о три царства на свету, in Радојичић Ђ.С., *Књижевна збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба*. Нови Сад, 33–36.
- Феофилакт Болгарский, 2006: *Благовестник*, т. 2: Толкование на Апостол. Минск, 2006.
- Miltanova A.L., 2013: Intertextuality in the Orthodox Slavic tradition: The case of mixed-content miscellanies, in Bauks M., Horowitz W., Lange A. (eds.), *Between text and text: The hermeneutics of intertextuality in Ancient cultures and their afterlife in Medieval and Modern times*. Göttingen–Bristol (Journal of Ancient Judaism. Supplements, vol. 6), 314–327.
- Mudryj M.M., 2009: Formacja *gente Rutheni, natione Poloni* w ХІХ-wiecznej Galicji a pojęcie ojczyzny, in Nowak A., Zięba A.A. (red.), *Formuły patriotyzmu w Europie Wschodniej i Środkowej od nowożytności do współczesności*. Kraków, 285–298.
- Komorowski J., 2011: Platona Kosteckiego hołd Calderonowi, in Komorowski J., *Nie tylko Shakespeare: Studia z dziejów teatru i dramatu ХVI–ХХ wieku*. Warszawa, 293–302 (предварительная публикация: *Pamiętnik Teatralny*, т. 48, з. 3–4. Warszawa, 1999, 96–108).
- Pope R.W.F., 1974: Bulgaria: the third Christian kingdom in the Razumnik-Ukaz, *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*, т. 43, 141–153.
- Świątek A., 2007: Wizja niepodległej Rzeczypospolitej w twórczości literackiej Platona Kosteckiego, in Hańderek M., Świątek A. (eds.), *Piłsudski i jego czasy: Materiały z Ogólnopolskiej Studenckiej Konferencji z okazji 140 rocznicy urodzin Józefa Piłsudskiego*. Kraków, 199–206.
- Świątek A., 2008a: Platon Kostecki – zapomniany propagator unii polsko-rusko-litewskiej, in Колесник В. Ф. (ред.), *Шевченківська весна. Історія: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції молодих учених*, вип. 6, ч. 2: Праці аспірантів та студентів, т. 2. Київ, 241–244.
- Świątek A., 2008b: “Serdeczny Mistrz, Tyś dziejów nie mierzył, Łokciem dziesiątków lat, Ty w Ruś uwierzył”. Platon Kostecki a Jan Matejko – historia niezwyklej znajomości, in Świątek A. (red.), *Per aspera ad astra: Materiały z ХVI Ogólnopolskiego Zjazdu Historyków Studentów*, т. 14. Kraków, 169–177.
- Świątek A., 2009: Platon Kostecki – swój czy obcy w polsko-ukraińskim społeczeństwie Galicji Wschodniej drugiej połowy ХІХ wieku, in Zglińska A. et al. (eds.), “Swój” i “obcy”: *Materiały z I Międzynarodowej Sesji Humanistycznej (Toruń 17-19 V 2009)*. Toruń, 175–184.

- Świątek A., 2014: *Gente Rutheni, natione Poloni: Z dziejów Rusinów narodowości polskiej w Galicji*. Kraków (Studia Galicyjskie, t. 3).
- Świątek A., 2017: Przypadek *Gente Rutheni, natione Poloni* w Galicji, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Historyczne*, t. 144, z. 2, 303–322.
- Таркова-Займова В., Милтенова А., 2011: *Historical and apocalyptic literature in Byzantium and Medieval Bulgaria*. Sofia.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Feofilakt Bolgarskij, 2006: *Blagovestnik*, t. 2: Tolkovanie na Apostol. Minsk, 2006.
- Komorowski J., 2011: Platona Kosteckiego hołd Calderonowi, in Komorowski J., *Nie tylko Shakespeare: Studia z dziejów teatru i dramatu XVI–XX wieku*. Warszawa, 293–302 (predvaritel'naja publikacija: *Pamiętnik Teatralny*, r. 48, z. 3–4. Warszawa, 1999, 96–108).
- Miltenova A., 1986: “Razumnik-ukaz” (Tekstologichesko prouchvane. Izdanie na starobŭlgarskija tekst), *Palaeobulgarica*, vol. 10, No. 4, 20–44.
- Miltenova A.L., 2013: Intertextuality in the Orthodox Slavic tradition: The case of mixed-content miscellanies, in Bauks M., Horowitz W., Lange A. (eds.), *Between text and text: The hermeneutics of intertextuality in Ancient cultures and their afterlife in Medieval and Modern times*. Göttingen–Bristol (Journal of Ancient Judaism. Supplements, vol. 6), 314–327.
- Mudrij M.M., 2006–2007: “Rusini pol's'koï naciï” (gente Rutheni, natione Poloni) v Galichini HIH st. i ponjattja “vitichizni, in Krikun M. (red.), *Confraternitas. Juvilejnij zbirnik na poshanu Jaroslava Isaevicha. Lviv, 2006–2007 (= Ukraina: kul'turna spadshhina, nacional'na svidomist', derzhavnist'*. Zbirnik naukovih prac', vip. 15), 461–474.
- Mudryj M.M., 2009: Formacja gente Rutheni, natione Poloni w XIX-wiecznej Galicji a pojęcie ojczyzny, in Nowak A., Zięba A.A. (red.), *Formuły patriotyzmu w Europie Wschodniej i Środkowej od nowożytności do współczesności*. Kraków, 285–298.
- Pope R.W.F., 1974: Bulgaria: the third Christian kingdom in the Razumnik-Ukaz, *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*, t. 43, 141–153.
- Radojičić Đ.S., 1967: Juzhnoslovenski stari tekst o tri carstva na svetu, in Radojičić Đ.S., *Književna zbilvanja i stvaranja kod Srba u srednjem i u tursko doba*. Novi Sad, 33–36.
- Świątek A., 2007: Wizja niepodległej Rzeczypospolitej w twórczości literackiej Platona Kosteckiego, in Hańderek M., Świątek A. (eds.), *Piłsudski i jego czasy: Materiały z Ogólnopolskiej Studenckiej Konferencji z okazji 140 rocznicy urodzin Józefa Piłsudskiego*. Kraków, 199–206.
- Świątek A., 2008a: Platon Kostecki – zapomniany propagator unii polsko-rusko-litewskiej, in Kolesnik V. F. (red.), *Shevchenkivs'ka vesna. Istorija: Materiali mizhnarodnoï nauково-praktichnoï konferencii molodih uchenih*, vip. 6, ch. 2: Praci aspirantiv ta studentiv, t. 2. Kiïv, 241–244.
- Świątek A., 2008b: “Serdeczny Mistrzu, Tyś dziejów nie mierzył, Łokciem dziesiątków lat, Ty w Ruś uwierzył”. Platon Kostecki a Jan Matejko – historia niezwyklej

- znajomości, in Świątek A. (red.), *Per aspera ad astra: Materiały z XVI Ogólnopolskiego Zjazdu Historyków Studentów*, t. 14. Kraków, 169–177.
- Świątek A., 2009: Platon Kostecki – swój czy obcy w polsko-ukraińskim społeczeństwie Galicji Wschodniej drugiej połowy XIX wieku, in Zglińska A. et al. (eds.), *“Swoj” i “obcy”*: Materiały z I Międzynarodowej Sesji Humanistycznej (Toruń 17-19 V 2009). Toruń, 175–184.
- Świątek A., 2014: *Gente Rutheni, nazione Poloni: Z dziejów Rusinów narodowości polskiej w Galicji*. Kraków (*Studia Galicyjskie*, t. 3).
- Świątek A., 2017: Przypadek Gente Rutheni, nazione Poloni w Galicji, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Historyczne*, t. 144, z. 2, 303–322.
- Tapkova-Zaimova V., Miltenova A., 2011: *Historical and apocalyptic literature in Byzantium and Medieval Bulgaria*. Sofia.

SERGEI TEMCHIN

**Poland, Ruthenia and Lithuania as the Holy Trinity:
A Medieval Prehistory of the Poetic Image by Platon Kostec’kyj (1861)**

This paper focuses on a medieval parallel with the poetic image of Poland, Ruthenia and Lithuania as the Holy Trinity presented in the poem *Nasza mołyтва* (1861) composed in Ukrainian, although written in Polish script by the Galician journalist and writer Platon Kostec’kyj who was an adherent of the Jagiellonian idea. The parallel can be found in the Old Bulgarian apocryphal treatise *Razumnik Ukaz*. Its two versions have been preserved in Cyrillic manuscripts of the second half of the 14th through the mid-18th centuries. The corresponding passages of the two version are cited in the article in order to demonstrate that the second version coincides in some respects with the poetic image by Platon Kostec’kyj. It is quite possible that the author, who had been born to a family of a priest of the Eastern-rite Catholic Church, may have known the second version of *Razumnik Ukaz* and later used its ideas while compiling his poem *Nasza mołyтва*. This medieval parallel is useful for explaining the poetic image created in 1861.

Keywords: Platon Kostec’kyj, Ukrainian poetry, Jagiellonian idea, Polish-Lithuanian Commonwealth, Cyrillic literacy, Old Bulgarian literature, apocrypha, Trinity.

SERGEJUS TEMČINAS

**Abiejų Tautų Respublika (Lenkija, Rusia ir Lietuva) kaip Šventoji Trejybė:
Platono Kosteckio sukurto poetinio vaizdinio (1861) viduramžių priešistorė**

Straipsnis skirtas Galicijos žurnalisto ir rašytojo, Jogailaičių idėjos šalininko Platono Kosteckio ukrainiečių kalba, bet lenkiškomis raidėmis rašytame eilėraštyje *Nasza mołyтва* (1861) esančio ir Abiejų Tautų Respubliką kaip Šventąją Trejybę pateikiančio poetinio vaizdinio viduramžių paralelei. Ji aptinkama bulgariškame apokrifė „Razumnik Ukaz“: jo dvi redakcijos yra paliudytos XIV a. pabaigos – XVIII a. vidurio kiriliniuose nuorašuose. Straipsnyje cituojami abiejų nuorašų fragmentai ir parodoma šio apokrifio antrosios redakcijos sąsąuka su minėtu Platono Kosteckio eilėraščiu. Graiko kataliko šven-

tiko šeimoje gimęs poetas galėjo žinoti nurodyto bulgariško apokrifo antrosios redakcijos turinį ir iš jo perimti savo eilėraščio *Nasza mołytwą* pagrindinę idėją. Ši viduramžių paralelė leidžia geriau suvokti 1861 m. sukurto poetinio vaizdinio prasmę.

Reikšminiai žodžiai: Platonas Kosteckis, ukrainiečių poezija, Jogailaičių idėja, Abiejų Tautų Respublika, kirilinė raštija, senoji bulgarų literatūra, apokrifai, Šventoji Trejybė.

Поступило в редакцию: 16 мая 2017 г.

Принято к печати: 25 августа 2017 г.

Сергей Юрьевич Темчин (Sergejus Temčinas), хабилированный доктор гуманитарных наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения письменного наследия Института литовского языка.

Sergei Temchin (Sergejus Temčinas), Doctor Habilitatus of Humanities, Professor, Principal Researcher of the Research Centre of Written Heritage at the Institute of Lithuanian Language.

Sergejus Temčinas, humanitarinių mokslų habilituotas daktaras, Lietuvių kalbos instituto Raštijos paveldo tyrimų centro vadovas, vyriausiasis mokslo darbuotojas.

E-mail: sergejus.temcinas@flf.vu.lt

SERIA POŚWIĘCONA
STAROŻYTNOŚCIOM SŁOWIAŃSKIM

Марина Чистякова

**Рукописные прологи
Великого княжества Литовского
и Польского королевства**

KRAKOWSKO-WILEŃSKIE STUDIA
SLAWISTYCZNE

TOM 13

KRAKÓW 2017